

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

ИЮНЬ • 2015

**Постановление от 25 июня 2015 года № 17-П по делу
о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона
«Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений
в отдельные законодательные акты Российской Федерации»**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>);
номер опубликования: 0001201506260031; дата опубликования: 26.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: охрана окружающей среды; свобода экономической деятельности; лицензия на пользование животным миром; охотхозяйственное соглашение.

Заявитель: Верховный Суд РФ (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о сроках охотхозяйственных соглашений в отношении охотничьих угодий, заключаемых без проведения аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений лицами, имеющими долгосрочные лицензии на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит части 1 статьи 8 и части 2 статьи 34 Конституции РФ, поскольку оно, допуская возможность заключения охотхозяйственных соглашений без проведения аукциона на срок, превышающий срок действия долгосрочных лицензий на пользование животным миром, вопреки конституционным гарантиям, направленным на поддержку конкуренции, ставит юридические лица, не имеющие соответствующих лицензий, в менее выгодное, дискриминационное положение в отношении доступа к предпринимательской деятельности в сфере охотничьего хозяйства по сравнению с владельцами долгосрочных лицензий.

Итоговый вывод решения: оспариваемая норма не соответствует Конституции РФ: части 1 статьи 9, частям 1 и 2 статьи 19 и части 1 статьи 34, в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового

регулируемого решается вопрос о сроках охотхозяйственных соглашений в отношении охотничьих угодий, заключаемых без проведения аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений лицами, имеющими долгосрочные лицензии на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов, поскольку в силу неопределенности своего нормативного содержания она порождает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения содержащихся в ней положений.

Мотивы решения. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, один из основных принципов правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности — принцип приоритета публичных интересов (см.: *постановления от 14 мая 2009 года № 8-П, от 5 марта 2013 года № 5-П и от 2 июня 2015 года № 12-П*).

Вместе с тем, поскольку забота об охране окружающей среды и экологической безопасности не означает полного отказа от использования природных ресурсов при занятии предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью, законодатель, определяя порядок и условия ее осуществления в такой сфере, как охотничье хозяйство, призван устанавливать оптимальный правовой режим охотпользования, учитывающий объективные особенности осуществления различных видов этой деятельности и одновременно исключающий возможность недобросовестной конкуренции, как того требуют часть 1 статьи 8, часть 3 статьи 17, части 1 и 2 статьи 19, статья 34, часть 3 статьи 55, пункты «в», «д», «к» части 1 статьи 72 и часть 2 статьи 76 Конституции РФ.

Оспариваемое законоположение включено в статью 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определяющую особенности правового регулирования в сфере охотничьего хозяйства в переходный период, в течение которого, начиная с момента вступления данного Федерального закона в силу, то есть с 1 апреля 2010 года, должна быть обеспечена разумная преемственность между установленными им предписаниями и правилами занятия охотой и охотхозяйственной деятельностью, содержащими

ми в Федеральном законе «О животном мире».

Из системного анализа приведенных положений следует, что юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, допущенным к долгосрочному пользованию животным миром в целях охоты на основании Федерального закона «О животном мире», со дня вступления в силу Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставлена возможность по собственному выбору либо продолжить осуществление своего права в соответствии с долгосрочной лицензией, либо в установленном порядке заключить без проведения аукциона охотхозяйственное соглашение с соблюдением предусмотренных законом условий. В последнем случае они приобретают все права охотпользователей, закрепленные Федеральным законом «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в том числе не принадлежащие обладателям долгосрочных лицензий. Кроме того, по смыслу части 9 статьи 71 названного Федерального закона, в случае установления максимальной площади охотничьих угодий, в отношении которых могут быть заключены охотхозяйственные соглашения, не распространяется требование о полном прекращении права долгосрочного пользования животным миром в отношении охотничьих ресурсов по истечении пяти лет со дня ее установления, если площадь территорий или акваторий, переданных в пользование в соответствии с долгосрочными лицензиями, превышает установленную максимальную площадь.

Такое правовое регулирование, будучи ориентированным на сохранение права пользования животным миром в отношении охотничьих ресурсов юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, у которых оно возникло на основании долгосрочных лицензий до 1 апреля 2010 года, посредством предоставления им возможности по своему выбору продолжить осуществление охотхозяйственной деятельности на основании имеющейся лицензии либо без проведения аукциона заключить охотхозяйственное соглашение, не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя

и как таковое согласуется с вытекающим из части 1 статьи 1, статьи 2, части 2 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18, части 1 статьи 19 и частей 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 27 марта 2012 года № 8-П, от 6 февраля 2014 года № 2-П*).

Наделение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих пользование животным миром на основании долгосрочных лицензий, правом заключать охотхозяйственные соглашения без проведения аукциона может также рассматриваться и как свидетельствующее о намерении федерального законодателя предусмотреть для таких охотпользователей — исходя из презумпции их добросовестности — льготный порядок получения (продления) прав на данный вид природопользования, направленный на стимулирование их заинтересованности в устойчивом использовании, воспроизводстве и охране объектов животного мира и иных природных ресурсов.

В этом контексте предусмотренное оспариваемым законоположением исключение из общего правила об обязательном проведении аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений, касающееся охотпользователей, действующих на основании долгосрочных лицензий, с точки зрения преследуемых целей отвечает критериям равенства, соразмерности и справедливости.

Вместе с тем при оценке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» нельзя не учитывать вопрос о сроке (сроках), на который может быть рассчитано действие охотхозяйственного соглашения, заключенного без проведения аукциона. Анализ сложившихся в правоприменительной практике вариантов интерпретации оспариваемого законоположения относительно сроков охотхозяйственных соглашений, заключаемых без проведения аукциона, показывает, что каждый из них основывается на убедительных в той или иной степени доводах.

Так, ограничение времени действия охотхозяйственного соглашения сроком долго-

срочной лицензии, наличие которой позволяет заключить его без проведения аукциона, не только вписывается в логику переходного правового регулирования, но и позволяет их обладателям осуществлять право пользования животным миром в охотхозяйственных целях как на основании лицензии, так и в соответствии с охотхозяйственным соглашением в течение всего изначально согласованного с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации при выдаче долгосрочной лицензии срока.

В то же время, если отталкиваться от того, что часть 1 статьи 27 и часть 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» соотносятся между собой как общая и специальная нормы, может быть объяснимо и признание за юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права заключать охотхозяйственные соглашения без проведения аукциона — независимо от срока долгосрочной лицензии — на период от двадцати до сорока девяти лет.

При наличии в правоприменительной практике столь различающихся подходов к определению сроков охотхозяйственных соглашений, заключаемых без проведения аукциона, единственным конституционно оправданным способом обеспечения надлежащего понимания и применения оспариваемого законоположения, согласующимся с намерениями федерального законодателя, является его нормативная корректировка. Отсутствие в системе действующего правового регулирования определенности относительно сроков охотхозяйственных соглашений, заключаемых в соответствии с оспариваемым законоположением без проведения аукциона, не позволяет выявить действительную волю федерального законодателя даже с помощью конституционно-правового истолкования рассматриваемого законоположения, что делает невозможным обеспечение в правоприменительной практике единообразного подхода к разрешению этого вопроса, отвечающего реальному состоянию законодательства.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция ООН о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года (преамбула, статьи 1 и 2).

ИЮЛЬ • 2015

Постановление от 1 июля 2015 года № 18-П по делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации

(официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507030002; дата опубликования: 03.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: выборы; изменение срока полномочий; право избирать и быть избранным; единый день голосования; принцип периодичности выборов.

Заявитель: Совет Федерации РФ (в порядке части 5 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 1 статьи 96 и частей 1, 2 и 4 статьи 99 Конституции РФ применительно к вопросу о том, допускают ли содержащиеся в них положения однократное незначительное сокращение в конституционно значимых целях пятилетнего срока полномочий, на который избиралась Государственная Дума шестого созыва.

Позиция заявителя: указанные статьи Конституции РФ не исключают возможность однократного незначительного в месячном выражении сокращения срока полномочий Государственной Думы текущего созыва в конституционно значимых целях, в частности в целях переноса даты очередных выборов Государственной Думы на единый день голосования.

Итоговый вывод решения: Положения части 1 статьи 96 и частей 1, 2 и 4 статьи 99 Конституции РФ во взаимосвязи с другими ее положениями не исключают возможности однократного изменения федеральным законом даты очередных выборов, ведущего к сокращению реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, при условии, что такое сокращение осуществляется в конституционно значимых целях, заблаговременно, не влечет за собой отступления от разумной периодичности проведения очередных выборов Государственной Думы и непрерывности ее деятельности и является минимально незначительным.

Мотивы решения. Признавая единственным легальным способом формирования Государственной Думы периодически проводимые подлинные выборы, Конституция РФ, прямо указывая на их назначение Президентом РФ (пункт «а» статьи 84), а также за-

крепляя четырехмесячный срок, не позднее которого с момента роспуска Государственной Думы должно быть проведено первое заседание вновь избранной Государственной Думы (часть 2 статьи 109), вместе с тем непосредственно не определяет ни порядок их организации, ни конкретный день, на который они должны назначаться. Решение соответствующих вопросов, как следует из статей 71 (пункты «а», «в», «г»), 76 (часть 1), 84 (пункт «а») и части 2 статьи 96 Конституции РФ, относится к дискреционным полномочиям федерального законодателя.

Пятилетний нормативный срок полномочий Государственной Думы, установленный частью 1 статьи 96 Конституции РФ, не означает, что выборы Государственной Думы нового созыва должны — вне зависимости от каких-либо обстоятельств — непременно проводиться не ранее и не позднее фактического истечения указанного срока. Отклонения от него могут быть вызваны роспуском Государственной Думы Президентом РФ в соответствии со статьями 84 (пункт «б»), частями 1 и 2 статьи 109, частью 4 статьи 111 и частями 3 и 4 статьи 117 Конституции РФ, введением на основании Конституции РФ военного положения (часть 2 статьи 87) или чрезвычайного положения (статья 88), а также иными, прямо не упомянутыми в ней, но нашедшими отражение в избирательном законодательстве причинами (отложением дня голосования для дополнительного выдвижения федеральных списков кандидатов, проведением повторных выборов и др.). Для таких случаев федеральный законодатель не только вправе, но и обязан предусмотреть особые правила назначения выборов Государственной Думы, без которых порядок ее формирования не отвечал бы конституционно значимым критериям правовой определенности.

Следовательно, взаимосвязанные положения части 1 статьи 96 и частей 1, 2 и 4 статьи 99 Конституции РФ — по их смыслу в

нормативном единстве с другими конституционными положениями — не исключают возможность расхождения конституционно установленного (нормативного) и реального (фактического) сроков полномочий Государственной Думы и тем самым — изменения даты проведения ее выборов.

Оценивая принципиальную допустимость изменения реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, в том числе в целях переноса даты выборов Государственной Думы следующего созыва, прежде всего необходимо исходить из того, что очередные выборы Государственной Думы должны, по общему правилу, проводиться с соблюдением срока, установленного частью 1 статьи 96 Конституции РФ, и что федеральный законодатель вправе принять решение об изменении даты выборов, влекущее некоторое сокращение реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, только если издержки такого решения в достаточной степени компенсируются значимостью преследуемых им целей, которые, хотя и относятся к сфере законодательного усмотрения, должны быть конституционно оправданными, а иные правовые средства их достижения отсутствуют или не лишены — в балансе конституционных ценностей — сопоставимых недостатков.

Конституционная целесообразность сокращения фактического срока полномочий Государственной Думы текущего созыва может быть, в частности, обусловлена переносом даты очередных выборов Государственной Думы следующего созыва на единый день голосования, предусмотренный федеральным законом для проведения выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, что, как показывает накопленный опыт проведения совмещенных выборов, приводит к заметным позитивным результатам, выражающимся в упорядочении электоральных циклов, экономии бюджетных средств, повышении явки избирателей и т. д. К тому же перенос именно даты выборов Государственной Думы на единый день голосования позволяет проводить их одновременно с региональными и муниципальными выборами, не прибегая к изменению сроков полномочий соответствующих органов государственной власти субъектов Российской Феде-

рации и органов местного самоуправления, что — вследствие отнесения федеративной природы российской государственности и самостоятельности местного самоуправления к основам конституционного строя России (часть 1 статьи 1, части 1 и 3 статьи 5, статья 12 Конституции РФ) — также не может рассматриваться как не имеющее конституционного смысла.

Вместе с тем даже конституционно оправданное (с точки зрения преследуемых целей) изменение даты очередных выборов, ведущее к сокращению реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, требует соблюдения всей совокупности закрепленных в Конституции РФ принципов и норм, равно как и учета выраженных в ней целей и ценностей. Соответственно, оно может иметь место лишь в качестве исключительной, экстраординарной меры, не превращаясь в организационно-правовое обыкновение. При этом расхождение реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва с конституционно установленным нормативным сроком (часть 1 статьи 96 Конституции) должно быть минимально незначительным, с тем чтобы такое изменение, не отступая от принципов периодичности очередных выборов Государственной Думы и непрерывности ее деятельности, во всяком случае не воспринималось как неправомерное отступление от конституционно установленного пятилетнего срока, на который избирается Государственная Дума, и к тому же — как преодоление воли конституционного законодателя, выраженной в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы», предусмотревшем увеличение срока, на который избирается Государственная Дума, с четырех до пяти лет (статья 1).

Какими бы ни были конкретные конституционно значимые цели, на достижение которых направлено решение федерального законодателя о сокращении фактического срока полномочий Государственной Думы, его юридические последствия могут касаться лишь депутатов Государственной Думы действующего созыва, поскольку Государственная Дума каждого созыва, за исключением первого (пункт 7 раздела второго Конституции РФ),

должна — исходя из Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие (часть 1 статьи 15), — избираться на срок, установленный ее статьей 96 (часть 1).

Кроме того, перенос (смещение) даты очередных выборов депутатов Государственной Думы должен осуществляться заблаговременно, с тем чтобы граждане, политические партии и другие заинтересованные лица — с учетом фактора приближения даты их проведения — не были ограничены в возможности надлежащим образом подготовиться к избирательной кампании.

Сокращение фактического срока полномочий Государственной Думы текущего созыва не должно также использоваться — вопреки принципам политического многообразия и многопартийности, равенства и свобо-

ды деятельности общественных объединений (части 3 и 4 статьи 13, части 1 и 2 статьи 19, часть 1 статьи 30 Конституции РФ) — для произвольного ограничения политической конкуренции на выборах, в том числе посредством создания электоральных преимуществ для одних политических партий, включая парламентские, в ущерб интересам других политических партий.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 3 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; статьи 1 и 6 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств.

Постановление от 1 июля 2015 года № 19-П по делу о проверке конституционности положения подпункта 4 пункта 1 статьи 162 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507030029; дата опубликования: 03.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: налог на добавленную стоимость; страхование риска неисполнения договорных обязательств; принцип запрета двойного налогообложения.

Заявитель: общество с ограниченной ответственностью «Сони Мобайл Коммюникейшнз Рус» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение подпункта 4 пункта 1 статьи 162 НК РФ в той мере, в какой на его основании решается вопрос об увеличении налогоплательщиком — поставщиком товаров (работ, услуг), заключившим договор страхования риска неисполнения договорных обязательств покупателем, налоговой базы по налогу на добавленную стоимость (НДС) на суммы страховых выплат, полученных им в связи с нарушением покупателем обязательства по оплате товаров (работ, услуг), реализация которых признается объектом обложения данным налогом.

Позиция заявителя: оспариваемое положение не соответствует Конституции РФ, ее статьям 8, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 55 (часть 3) и 57, поскольку

включение на его основании в налоговую базу сумм страховых выплат представляет собой повторное налогообложение операций по реализации товаров — притом что НДС, как косвенный налог, должен быть в силу его экономической природы переложен на конечного потребителя этих товаров. Тем самым нарушается также принцип равенства налогоплательщиков: те из них, кто использует механизм страхования рисков, несут увеличенное налоговое бремя по сравнению с теми, кто, будучи поставщиком товаров (работ, услуг), для обеспечения своих имущественных интересов прибегает к иным правовым механизмам.

Итоговый вывод решения: положение подпункта 4 пункта 1 статьи 162 НК РФ не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1) и 57, в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, оно позволяет требовать от налогоплательщика — поставщика товаров (работ, услуг), заключившего договор страхования риска неисполнения договорных обязательств покупателем, включения в налоговую базу по НДС помимо стои-

мости реализованных товаров (работ, услуг) суммы страховой выплаты, полученной им в связи с нарушением покупателем обязательства по оплате товаров (работ, услуг), если такой налогоплательщик исчислил (уплатил) налог с операции по реализации данных товаров (работ, услуг) в момент их отгрузки.

Федеральному законодательству надлежит внести в налоговое законодательство изменения, исключающие возможность двойного налогообложения в случае использования налогоплательщиком — поставщиком товаров (работ, услуг) для защиты своих имущественных интересов договора страхования риска неисполнения договорных обязательств покупателем.

Мотивы решения. Конституционный Суд, основываясь на ранее высказанных им правовых позициях отметил, что федеральный законодатель вправе установить такое регулирование налоговых отношений, которое позволяло бы в условиях использования налогоплательщиками различных гражданско-правовых форм организации своей экономической деятельности обеспечить надлежащее (в полном объеме) исполнение обязанности по уплате НДС (см.: *постановления от 20 февраля 2001 года № 3-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, определения от 4 апреля 2006 года № 98-О и от 13 июня 2006 года № 319-О*).

Подпункт 4 пункта 1 статьи 162 НК РФ предусматривает, что налоговая база увеличивается на сумму полученных страховых выплат по договорам страхования риска неисполнения договорных обязательств контрагентом страхователя-кредитора, если страхуемые договорные обязательства предусматривают поставку страхователем товаров (работ, услуг), реализация которых признается объектом налогообложения. Введение правила о включении страховых выплат по договорам страхования риска неисполнения договорных обязательств контрагентом страхователя-кредитора в налоговую базу по НДС было обусловлено тем, что в период действия прежнего регулирования, предусматривавшего при определении налогоплательщиком учетной политики возможность выбора момента образования налоговой базы по НДС — по оплате или по отгрузке, на практике нередко использовались схемы уклонения от уплаты данного налога.

Таким образом, оспариваемая норма была принята в целях борьбы с уклонением от уплаты НДС и не преследовала цель дискриминировать налогоплательщиков, выстраивавших свою экономическую деятельность с использованием механизма страхования своих рисков, по сравнению с налогоплательщиками, которые избрали другие способы защиты своих имущественных интересов в отношениях с контрагентами (залог, неустойка, гарантия, поручительство и т. д.).

В силу правовой позиции Конституционного Суда РФ, налогообложение, выступая ограничением права собственности, должно быть основано на конституционном принципе равенства, понимаемом прежде всего как равномерность, нейтральность и справедливость налогообложения, в связи с чем недопустимо двойное обложение одним и тем же налогом одних и тех же объектов, а также взимание налога при отсутствии экономического обоснования, определенного законом (см.: *Постановление от 22 июня 2009 года № 10-П*).

Действующее налоговое законодательство не предусматривает возможности одновременного применения двух упомянутых вариантов учетной политики (по отгрузке и по оплате), а налогоплательщики, по общему правилу, лишены права самостоятельного определения даты реализации товара в своей учетной политике. Соответственно, в настоящее время рассматриваемое законоположение в связи с изменением порядка определения момента возникновения налоговой базы фактически утратило свое прежнее значение. Однако, сохраняясь в системе действующего правового регулирования, оно позволяет требовать включения в налоговую базу суммы страховой выплаты, полученной налогоплательщиком — поставщиком товаров по договору страхования риска неисполнения договорных обязательств покупателем в связи с нарушением покупателем обязательства по оплате товаров, равно как и стоимости реализованных товаров, даже если такой налогоплательщик исчислил (уплатил) налог с операции по реализации данных товаров в момент их отгрузки.

Между тем получение страхователем страховой выплаты по договору страхования предпринимательского риска не является поводом для обложения ее НДС: обложение

данном налогом страховой выплаты как платы за передаваемое страховщику имущественное право — право на возмещение ущерба (суброгация) — не предусмотрено, поскольку в связи с передачей данного права не возникает какой-либо дополнительной, добавочной стоимости. Такой вывод подтверждается нормой абзаца шестого подпункта 7 пункта 3 статьи 149 НК РФ, в соответствии с которой не подлежат налогообложению на территории Российской Федерации операции по страхованию, в результате которых страховщик получает средства в порядке суброгации от лица, ответственного за причиненный страхователю ущерб, в размере страхо-

вого возмещения, выплаченного страхователю.

Следовательно, взимание налога со страховой выплаты, полученной налогоплательщиком — поставщиком товаров по договору страхования риска неисполнения договорных обязательств покупателем в связи с нарушением покупателем обязательства по оплате товаров, притом что им уже включена в налоговую базу стоимость реализованных товаров, не имеет под собой экономического основания. Более того, вопреки конституционным требованиям оно фактически приводит к повторному налогообложению одной и той же операции по реализации товаров.

Постановление от 14 июля 2015 года № 20-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507160002; дата опубликования: 16.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: административная ответственность; уголовная ответственность; действие закона во времени; закон, смягчающий или отменяющий ответственность.

Заявитель: мировой судья судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ, выступающие правовым основанием для решения вопроса о прекращении исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания в случае отмены закона, устанавливавшего административную ответственность за соответствующее деяние, при введении уголовной ответственности за его совершение.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения противоречат статьям 2, 15 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции РФ, поскольку, предусматривая безусловное прекращение исполнения вступившего в законную силу постановления о назначении административного наказания в случае, когда закон, устанавливавший административную ответственность за конкретное деяние, отменяется в связи с установлением

уголовной ответственности за данное деяние, не обеспечивают достижение цели административного наказания лица за совершенное им правонарушение.

Итоговый вывод решения: признать часть 2 статьи 1.7 КоАП РФ соответствующей Конституции РФ, поскольку содержащиеся в ней положения, относящиеся к принципам административно-деликтного регулирования, по существу, воспроизводят предписания статьи 54 Конституции РФ, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений. Признать пункт 2 статьи 31.7 КоАП РФ не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 1 и 2) и 54, в той мере, в какой он предполагает прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, если отмена законом административной ответственности за административное правонарушение одновременно сопровождается введением уголовной ответственности за то же деяние.

Мотивы решения. Положения части 2 статьи 1.7 КоАП РФ, относящиеся к принципам административно-деликтного регулирования, по существу, воспроизводят предписания статьи 54 Конституции РФ, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений.

тивных правонарушений (см.: *определения от 10 октября 2013 года № 1485-О и от 21 ноября 2013 года № 1903-О*), и потому не могут рассматриваться как противоречащие Конституции РФ.

Привлечение виновного лица к административной или уголовной ответственности осуществляется на основании закона, действовавшего на момент совершения им противоправного общественно опасного деяния, при этом в случае усиления общественной опасности совершенного деяния и соответствующего изменения правового регулирования не допускается распространение на лицо, привлекаемое к такой ответственности, закона, ухудшающего его положение, в том числе посредством увеличения размера наказания, предусмотренного за его совершение, или замены его более строгой санкцией.

В то же время исходя из гуманистических соображений на такое лицо распространяются изменения закона, обусловленные снижением общественной опасности наказуемого деяния и ослаблением вследствие этого меры ответственности, в том числе заменяющие вид ответственности на менее строгий, то есть изменения, которые — в контексте общеправового регулирования и с учетом всех правовых последствий нововведений в сложившейся структуре права — могут расцениваться как улучшающие правовое положение лица, совершившего противоправное деяние.

Иное понимание приведенных законоположений, действующих во взаимосвязи с положениями Конституции РФ, прежде всего ее статьи 54, допускало бы возможность необоснованной формализации соответствующих правовых предписаний и их применение вопреки смыслу и роли законодательных изменений.

Правила, закрепленные Кодексом РФ об административных правонарушениях и Уголовным кодексом РФ, применяются в сфере действия каждого из них, при этом из данных правил с неизбежностью вытекает, что не имеет обратной силы закон, вводящий уголовную ответственность за деяние, ранее признававшееся административным правонарушением.

В то же время законодательство не содержит прямого указания на то, как действуют во времени законы (положения законов), отменяющие административную ответствен-

ность за те или иные деяния, если такая отмена одновременно сопровождается криминализацией указанных деяний.

Установленное частью 2 статьи 1.7 КоАП РФ и правило об обратной силе закона, отменяющего административную ответственность, не должно интерпретироваться в отрыве от принципиальных положений, закрепленных в статье 54 (часть 2) Конституции РФ, имеющих межотраслевое юридическое значение. Это означает, что отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой ее уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния, иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публичной ответственности за такое деяние.

Более того, криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности. Отмена законом административной ответственности за определенное деяние с одновременным переводом такого деяния под действие Уголовного кодекса РФ означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности.

Соответственно, применительно к вопросу о возможном прекращении на основании пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ в подобных случаях исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания отмена административной ответственности за конкретное деяние с его одновременной криминализацией по своим правовым последствиям от ужесточения административной ответственности за административное правонарушение принципиально не отличается: и в том и в другом случае для прекращения исполнения судебного постановления нет оснований.

Кроме того, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, исполнение судебного решения является самостоятельной гарантией государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод человека и гражданина; защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется, что обязывает федерального законодателя создавать стабильную правовую основу для отношений в сфере исполнительного производства и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (см.: постановления от 30 июля 2001 года № 13-П, от 15 января 2002 года № 1-П, от 14 мая 2003 года № 8-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 22 апре-

ля 2013 года № 8-П, от 27 июня 2013 года № 15-П и др.).

В то же время исполнение ранее вынесенного постановления о назначении административного наказания при отмене законом административной ответственности за деяние в связи с криминализацией этого деяния должно прекращаться на основании пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ, если не будут соблюдены следующие условия: необходимо, чтобы, во-первых, положения закона, отменяющие административную ответственность за конкретное деяние и вводящие за него уголовную ответственность, вступали в силу одновременно, а во-вторых, чтобы при законодательном преобразовании состава административного правонарушения в состав преступления сохранялась бы ответственность именно за то деяние, за которое ранее предусматривалось административное наказание.

Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и ряда статей АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и УПК РФ

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507170018; дата опубликования: 17.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод; толкование международного договора; юрисдикция Европейского Суда по правам человека; высшая юридическая сила Конституции РФ.

Заявитель: группа депутатов Государственной Думы (в порядке пункта «а» части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 АПК РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 КАС РФ и пункта 2 части четвер-

той статьи 413 УПК РФ в той мере, в какой на их основании подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией РФ.

Позиция заявителя: депутаты Государственной Думы связывают возникшую, как они полагают, неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли оспариваемые законоположения Конституции РФ, с закрепляемой ими безусловной обязательностью вынесенных в отношении России постановлений Европейского Суда по правам человека — в тех случаях, когда между содержащимся в таком постановлении толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции РФ возникают коллизии.

Итоговый вывод решения: оспариваемые законоположения не противоречат Конституции РФ, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

— обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) в качестве составной части правовой системы Российской Федерации и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд);

— суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре дела в связи с принятием Европейским Судом постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их соответствия Конституции РФ;

— государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, — придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, — правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ для решения вопроса о возможности исполнения постановления

Европейского Суда и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции; в случае если Конституционный Суд придет к выводу, что такое постановление Европейского Суда не может быть исполнено, то оно в этой части не подлежит исполнению; Президент РФ, Правительство РФ, придя к выводу о невозможности исполнить такое постановление Европейского Суда, правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции РФ.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя предусмотреть специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда.

Мотивы решения. Как указал Конституционный Суд РФ, окончательное постановление Европейского Суда, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению (см.: *Постановление от 6 декабря 2013 года № 27-П*). Соответственно, поскольку постановление Европейского Суда подразумевает принятие государством-ответчиком конкретных мер по его исполнению, лицо, в отношении которого было установлено нарушение Конвенции, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре судебного акта, послужившего поводом для направления жалобы в Европейский Суд, и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено; в свою очередь, решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта — учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя — должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении его доводов, а

также обстоятельств конкретного дела (см.: *постановления от 26 февраля 2010 года № 4-П и от 6 декабря 2013 года № 27-П*).

Европейский Суд полагает, что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда; разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы; такая дискреция в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда отражает свободу выбора, присущую вытекающей из статьи 1 Конвенции основополагающей обязанности государств-участников обеспечивать определенные ею права и свободы (см.: постановления от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (*Scozzari & Giunta*) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (*Jahn*) и другие против Германии», от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (*Scordino*) против Италии» (№ 1), от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России», от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России» и др.).

Согласно статье 35 Конвенции Европейский Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Тем самым защита прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции, осуществляется Европейским Судом на основе принципа субсидиарности.

В силу статей 46 (части 1 и 3), 120 (часть 1), 125 и 126 Конституции РФ такая роль Европейского Суда в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты прав человека в первую очередь всеми внутригосударственными судами, включая Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ.

Поскольку Конвенция как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвен-

ции постановление Европейского Суда по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора. При этом реализация предусмотряемых постановлением Европейского Суда мер как индивидуального (*individual*), так и общего (*common*) характера должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции РФ также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем, как следует из Конституции РФ, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, ни Конвенция как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ. Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий (преамбула, часть 1 статьи 1, часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17, статья 79 Конституции РФ), что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (см.: *Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П*).

Исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств,

когда такое отступление является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

При разрешении конституционно-правовых коллизий, могущих возникнуть в связи с толкованием Конвенции как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия. Закрепляя в статье 26 фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda*. Венская конвенция устанавливает также общее правило толкования договоров, предусматривающее, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (пункт 1 статьи 31).

Таким образом, международный договор является для его участников обязательным в том значении, которое может быть уяснено с помощью приведенного правила толкования. С этой точки зрения если Европейский Суд, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции. Соответственно, постановление Европейского Суда не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Кроме того, как следует из пункта 1 статьи 46 Венской конвенции, государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного

договора, ссылаясь на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения. В Российской Федерации к числу таких норм в первую очередь относятся положения глав 1 и 2 Конституции РФ, изменение которых не допускается посредством конституционных поправок, а может быть осуществлено, как установлено ее статьей 135, исключительно посредством принятия новой Конституции РФ.

Поскольку Россия, по смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6) Конституции РФ, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции РФ, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции РФ, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией РФ, и недопущение нарушений основ конституционного строя. При этом, однако, не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации соответствовал Конституции РФ, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции РФ, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции РФ.

В контексте приведенных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что решение уполномо-

ченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции РФ.

Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции РФ, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере отдавать предпочтение требованиям Конституции РФ и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям.

Соответственно, Конституционный Суд не может поддержать данное Европейским Судом толкование Конвенции, если именно Конституция РФ (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом РФ) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (часть 3 статьи 17 Конституции РФ).

Если Конституция РФ не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда, Конституционный Суд РФ обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция РФ.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Венская конвенция о праве международных договоров (статья 26, пункт 1 статьи 31, пункты 1 и 2 статьи 46); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статьи 1, 35); Протоколы № 1 и № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод; постановления Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (*Scozzari & Giunta*) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (*Jahn*) и другие против Германии», от 6 октября 2005 года по делу «Хёрст (*Hirst*) против Соединенного Королевства (№ 2), от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (*Scordino*) против Италии» (№ 1), от 29 марта 2006 года по делу «Мостаччуоло (*Mostacciuolo*) против Италии (№ 2)», от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России», от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России», от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России», от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России», от 31 мая 2011 года по делу «Маджо (*Maggio*) и другие против Италии», от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России»; решение Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (*Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012*).

Акты зарубежных конституционных (верховных) судов, использованные в Постановлении: определение Федерального конституционного суда ФРГ от 29 мая 1974 года по делу 2 *BvL* 52/71 (*BVerfGE* 37, 271) [«*Solange-I*»], постановления от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года по делу 2 *BvR* 1481/04 (*BVerfGE* 111, 307), от 13 июля 2010 года; постановления Конституционного суда Италии от 19 ноября 2012 года по делу № 264/2012, от 22 октября 2014 года № 238/2014; постановление Конституционного суда Австрии от 14 октября 1987 года по делу № B267/86; решение Верховного суда Великобритании от 16 октября 2013 года ([2013] *UKSC* 63).

Постановление от 16 июля 2015 года № 22-П по делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507220023; дата опубликования: 22.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: принцип правовой определенности; трансграничное перемещение товаров в Таможенном союзе; уголовная ответственность; контрабанда; оборот лекарственных средств, содержащих сильнодействующие вещества.

Заявители: граждане Республики Казахстан О. Е. Недашковский и С. П. Яковлев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение статьи 226.1 УК РФ, на основании которого в системе действующего правового регулирования решается вопрос об уголовной ответственности за незаконное перемещение физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств, для личного использования.

Позиция заявителей: в условиях отсутствия законодательно определенного порядка перемещения сильнодействующих веществ через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС оспариваемое положение не позволяет разграничивать запрещенные и разрешенные действия, связанные с таким перемещением, и допускает признание незаконным любого перемещения сильнодействующих веществ (независимо от количества и целей), в том числе входящих в состав разрешенных к использованию лекарственных средств, а следовательно, не отвечает требованиям правовой определенности и тем самым противоречит статьям 17 (часть 1), 21 (часть 1), 41 (часть 1), 46 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: положение статьи 226.1 УК РФ не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное положение — при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулиро-

вания порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, — не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Федеральному законодателю надлежит определить порядок перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС лекарственных средств, в состав которых входят сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, в целях личного использования.

Мотивы решения. Законодатель сформулировал диспозицию нормы статьи 226.1 УК РФ как бланкетную и не определил критерии законности (незаконности) трансграничного перемещения сильнодействующих веществ, равно как не установил перечень таких веществ. Тем не менее, по смыслу положений статей 226.1, 228, 228.3, 229.1 и 234 УК РФ и постановления Правительства РФ от 29 декабря 2007 года № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации», а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации», к предмету преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ, относятся не являющиеся наркотическими средствами, психотропными

веществами, их прекурсорами или аналогами зарегистрированные в Государственном реестре лекарственных средств для медицинского применения сильнодействующие вещества, а также их лекарственные формы.

К таким веществам относились в том числе субстанции, являвшиеся предметами преступления, инкриминированного заявителям.

Правовое регулирование трансграничного перемещения сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств, устанавливается не только нормативными правовыми актами Российской Федерации, но и международными соглашениями в сфере таможенного контроля. На сегодняшний день данное регулирование не содержит правил, которые бы однозначно свидетельствовали о противоправности трансграничного перемещения сильнодействующих веществ физическими лицами для личного применения по медицинским показаниям. Следовательно, федеральный законодатель был обязан либо исключить возможность применения статьи 226.1 к случаям непротивоправного (не противоречащего ни национальным, ни наднациональным актам) ввоза для личных нужд содержащих сильнодействующие вещества лекарственных препаратов, либо определить (самостоятельно или с участием других государств — членов ЕврАзЭС) порядок их разрешенного трансграничного перемещения.

Тем не менее до настоящего времени положение статьи 226.1 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, допускает привлечение к уголовной ответственности за деяние, признаки которого с достаточной степенью четкости не определены законом и не позволяют физическим лицам, ввозящим (вывозящим) такие лекарственные средства в указанных целях, осознавать общественно опасный характер своих действий, предвидеть их уголовно-правовые последствия.

С учетом этого Конституционный Суд дал приведенное выше поручение федеральному законодателю. До внесения в законодатель-

ство необходимых изменений перемещение через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС указанных лекарственных средств должно осуществляться с учетом условий, установленных Федеральным законом от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (предметно-количественный учет лекарственных средств, подтверждение наличия медицинских показаний и др.).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 года № 17 «О Договоре о Таможенном кодексе таможенного союза»; Таможенный кодекс Таможенного союза; Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в торговле с третьими странами (Приложение № 1 к Решению Коллегии ЕЭК от 16 августа 2012 года № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования»); Положение о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза лекарственных средств и фармацевтических субстанций (Приложение № 2 к Решению Коллегии ЕЭК от 16 августа 2012 года № 134); Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года; Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (приложение № 10 к Решению Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования»).

Обзор подготовили: Тимофей Виноградов, Ярослав Гребенщикова, Ольга Подплелова. Редактор: Татьяна Храмова.